

Зал Совещений клана Лань был пропитан атмосферой торжественной строгости, настолько тяжелой, что воздух, казалось, вот-вот сгустится до предела. Высоко подвешенные светильники разливали тусклый желтый свет, но не могли разогнать гнетущее напряжение, заполнившее помещение. Лань Цижэнь стоял посреди зала, вытянувшись во весь рост, однако сжатые в кулаки руки выдавали его внутреннее волнение и тревогу.

На почетном месте сидел старший брат, Лань Цзэцзэ. Его лицо было суровым, а взгляд, намертво прикованный к Лань Цижэню, первым нарушил тишину:

— Цижэнь, семье известно о твоих отношениях с Ся Цзысюнь.

Его голос звучал низко, с непререкаемым достоинством.

Лань Цижэнь слегка нахмурился, невольно сжимая кулаки еще крепче до побелевших костяшек, но ответил твердо:

— Старший брат, мы с Цзысюнь любим друг друга, наши чувства искренни.

Слова прозвучали веско, в них чувствовалась непоколебимая преданность любви.

Лань Цзэцзэ тяжело вздохнул. В его глазах промелькнули бессилие и жалость, но тон остался жестким:

— Цижэнь, ты — ученик клана Лань, каждое твое слово и действие отражаются на репутации семьи. Школа, к которой принадлежит Ся Цзысюнь, придерживается иных принципов, нежели мы. Семья не может дать согласие на этот союз.

Сердце Лань Цижэня пронзила острая боль, словно его ударили тяжелым молотом. Он сделал шаг вперед и с жаром воскликнул:

— Старший брат, как дела сердечные могут зависеть от догм школы? Цзысюнь добра и мудра, её взгляды на культивацию глубоки и самобытны. Мы помогаем друг другу в совершенствовании, и всё совсем не так, как опасается семья.

Он пытался убедить брата, глядя на него с мольбой.

В этот момент поднялся один из старейшин. Его лицо было холодным, а голос строгим:

— Устав клана Лань суров, мы всегда ценили равенство положений. Брак с представительницей школы, чьи принципы идут вразрез с нашими, неизбежно приведет к бедам и подорвет стабильность клана Лань. Цижэнь, ты не должен ставить личные чувства выше интересов семьи.

Слова старейшины, подобно острому клинку, вонзились прямо в сердце Лань Цижэня.

Его душа разрывалась от противоречий: он испытывал гнев из-за упрямства семьи и мучился от невозможности принять простое решение. Глубоко вздохнув, он постарался сохранить самообладание:

— Старейшина, я понимаю опасения семьи. Но наши с Цзысюнь чувства искренни. Мы можем вместе работать над тем, чтобы сгладить разногласия между нашими школами.

Другой старейшина холодно фыркнул, не скрывая недовольства:

— Легко сказать! Разве можно преодолеть различия в учениях школ в одночасье? Цижэнь, не будь же так ослеплен!

Его слова обрушились на Лань Цижэня, словно ледяная вода, погасив последнюю искру надежды в его груди.

Лань Цижэнь почувствовал, как в груди стало тесно, будто его придавило огромным валуном, не давая вздохнуть. Он посмотрел на Лань Цзэцзэ, в его глазах читалась мольба:

— Старший брат, прошу тебя, подумай еще раз.

Лань Цзэцзэ отвернулся, не в силах выдержать взгляд брата. Его голос слегка охрип:

— Цижэнь, это вопрос процветания семьи, мы не можем решать его так просто. Ступай и хорошенько всё обдумай.

В его тоне сквозили усталость и безысходность.

Лань Цижэнь вышел из Зала Советаний, словно потерянный. Его походка была шаткой, казалось, из него вынули всю силу. Солнечный свет падал на него, но не мог согреть его ледяное сердце. Он смотрел вдаль, но перед глазами стоял лишь образ Ся Цзысюнь. Его терзали смятение и боль. Он не знал, как выбрать между любовью и долгом перед семьей. С одной стороны была любимая женщина, с другой — род, вырастивший его. И что бы он ни выбрал, это было сродни тому, чтобы вырвать кусок собственного сердца.

Тем временем Ся Цзысюнь в своей школе тоже почувствовала неладное. Соученицы при встрече отводили глаза, а их перешептывания за спиной мгновенно стихали, стоило ей приблизиться. В сердце закралось дурное предчувствие, и тревога начала расползаться по душе.